

ЧЕТВЁРТАЯ ДУМА: ПОСЛЕДНЯЯ СЕССИЯ

Госдума четвёртого созыва ушла в историю. Но одновременно в неё и вошла. Вошла как самый антиобразовательный парламент в постсоветской России. Причём заключительная часть думской весенней сессии и зимняя сессия 2007 г. эту оценку вполне подтвердила.

Выступая на открытии заключительной сессии Госдумы, её Председатель Борис Грызлов ясно заявил, что правящее большинство не допустит принятия т.н. популистских законов. Ах, лучше бы он пообещал, что Дума, хотя бы под занавес работы, перестанет принимать законы, идущие во вред человеческому потенциалу страны вообще и образованию – в особенности. Увы, такой вариант, видимо, никому из правящей бюрократии даже в голову не приходил. Напротив, Четвёртая Дума активизировала свою антиобразовательную деятельность, преподнося стране подарок за подарком. Вот лишь некоторые из них.

I. Образовательные стандарты... без содержания

Летом 2007 г. правительство России внесло в Госдуму, а она, в свою очередь, как всегда, в ускоренном порядке приняла Федеральный закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта)». Видимо, новый закон положит конец многолетним дискуссиям о стандарте школьного образования. Вот только какой знак препинания эти дискуссии увенчает: пафосный восклицательный, внушительная точка или жирная клякса?

Сохраняя максимальную объективность, начну с тех положений закона, которые заслуживают хотя бы условной поддержки. И пусть Правовое управление Госдумы написало к законопроекту более пяти страниц замечаний, рискну утверждать, что его позитив (если таковой существует) связан исключительно с юридико-технической стороной вопроса.

Дело в том, что одним из недостатков Закона РФ «Об образовании» в редакции 1992 г. до сих пор остаётся отсутствие определений основных понятий, которые в законе используются. В этом смысле авторы правительственного закона пытаются сделать вперёд три шага (точнее, шажка), определяя понятия: «основная образовательная программа», «дополнительная образовательная программа» и «примерная образовательная программа». Правда, определения не совершенны, и если способны кому-нибудь облегчить жизнь, то не учителю, родителю, студенту или ученику, но управленцу в сфере образования.

Увы, в содержательном отношении закон огорчает и разочаровывает. Начнём с мелочей.

Авторы явно принадлежат к поклонникам модного сейчас компетентностного подхода, и в принципе в этом нет ничего плохого. Более того, компетентностный подход, если он рассматривается как дополнение, а не замена знаниевой школе, способен принести немало пользы. Однако «законописатели», как часто бывает с влюблёнными, имеют весьма смутное представление об объекте собственной страсти, и в частности, путают компетенции (т.е. должностные обязанности) и компетентности (т.е. умения определённого типа). Цитирую Пояснительную записку:

«Под требованиями к результатам освоения основных образовательных программ подразумеваются требования к общим, социальным, профессиональным компетенциям, а также знаниям, умениям и развитию личностных качеств обучающихся, обеспечивающим реализацию соответствующих компетенций».

Итак, пытаясь разъяснить старые, давно устоявшиеся понятия, нам одновременно предлагают новые, причём не только без определения, но и, похоже, без понимания. По

крайней мере, на заседании думского Комитета по образованию и науке 3 сентября 2007 г. представители Минобрнауки не смогли ответить на мой вопрос, что они понимают под «компетенциями», если не умения и определённые личностные качества? А ведь, напомню ещё раз, в стандарт включаются «требования к общим, социальным, профессиональным компетенциям», а также только к тем «знаниям, умениям и развитию личностных качеств», которые обеспечивают «реализацию соответствующих компетенций». Глубоко соболезную разработчикам стандарта, но ещё более – учителям, которым предстоит во всём этом разбираться, и вспоминаю афоризм члена-корреспондента РАО А. Абрамова: что такое компетентности знают только компетентные органы.

Однако оставим учёным споры о терминах. Пора поговорить о главном. Помимо компетентностного подхода, основных новаций в законе четыре:

- ликвидация регионального (национально-регионального) и школьного компонентов;
- устранение из стандарта минимального содержания образования;
- введение в стандарт требований к условиям реализации образовательных программ;
- устранение от «стандартных» дел, т.е. разработки содержания образования, образовательного сообщества и передача их целиком в руки чиновников.

Что касается ликвидации регионального (национально-регионального) и школьного компонентов образовательного стандарта, то её необходимость обосновывается приведением норм закона в соответствие с Конституцией РФ. И действительно, п. 5 ст. 43 Основного закона утверждает: «Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты...».

Однако в данном случае мы имеем даже не хрестоматийный пример трёх мнений у двух юристов, но ситуацию раздвоения «личности» у одних и тех же правовых управлений. Ведь ещё несколько лет назад и правительственные, и парламентские, и президентские юристы дружно соглашались с трёхкомпонентной структурой стандарта, а Президент В. Путин подписал соответствующий федеральный закон от 25.06.2002 № 71-ФЗ. Кстати, авторы нового закона обещают, что все «участники образовательного процесса», в т.ч. региональные органы власти и сама школа, в какой-то части сохранят возможности влияния на формирование содержания образования. Однако что произойдёт на деле, покажет только правоприменительная практика.

Важнейший сюжет закона – устранение из структуры образовательного стандарта минимального содержания образования.

На взгляд автора, это стандарт полностью разрушает.

Во-первых, если в каждой школе ребёнок будут учить, чему и когда считают нужным, обеспечить качество образования и академическую мобильность (например, при переезде в другой город) окажется практически невозможно. Невозможно даже в том случае, когда учить будут в принципе одному и тому же, но в совершенно разное время. Ребёнку, родители которого перебрались из села в город, в другой район города, в другой регион или просто в другую школу в рамках своего микрорайона, вполне вероятно, придётся повторить часть уже изученных курсов, но зато самостоятельно навёрстывать курсы, пройденные его новыми одноклассниками. Ясно, что сделать это можно только с помощью репетиторов или платных дополнительных занятий со школьными учителями.

Во-вторых, до того времени, как Минобрнауки России превратилось в Минобрнауки, его высокопоставленные представители регулярно утверждали, что для сохранения единого образовательного пространства страны необходимо задать на федеральном уровне не менее 75% содержания образования. Более того, именно с их подачи соответствующая норма была заложена в поддержанный правительством проект

федерального закона¹. Вряд ли национальные интересы меняются вместе с перестановкой людей в управленческих структурах.

В-третьих, в большинстве своём образовательное сообщество, по-видимому, не осознаёт, что под лозунгом расширения академической самостоятельности школы Минобрнауки, скорее всего, предлагает такую самостоятельность резко ограничить. Логика высокопоставленных чиновников состоит при этом в следующем:

- утверждение минимального содержания образования всегда представляет большие трудности, ибо вызывает острые дискуссии между сторонниками различных педагогических школ и направлений в рамках образовательного сообщества. Любой стандарт подвергается и будет подвергаться критике, а потому много удобнее не принимать его вовсе;

- напротив, учебные программы для школы Министерство может утвердить самостоятельно, заодно переведя их из статуса примерных в ранг обязательных. Никаких дополнительных забот по части организации общественного обсуждения и согласования различных позиций у чиновников при этом не будет.

Пока в законе разрабатываемые Министерством образовательные программы сохраняют статус примерных. Но, убеждён: как только выяснится, что образовательное пространство начало распадаться, их переведут в ранг обязательных.

Противники существования образовательных стандартов и сторонники их либерализации, поддерживая идеи Министерства, благополучно попадают в ловушку: для каждого грамотного специалиста совершенно очевидно, что регулирование посредством обязательных учебных программ на порядок жёстче регулирования посредством образовательных стандартов, включая минимальное их содержание.

Предложение о том, чтобы наряду со стандартом на образовательные программы закон установил стандарт на условия их реализации, известно уже много лет. Профильный Комитет по образованию и науке усиленно пытался внедрить их в закон ещё в период работы Третьей Государственной Думы (2000-2003 гг.).

Появление этого компонента в новом законе о стандарте могло бы стать крупным шагом вперёд. Но не стало. Вместо гарантированного государством стандарта на условия осуществления образовательного процесса (т.е. системы требований, которые школа, родители, вуз или студенты вправе предъявить государству), нам предлагают совсем другое - «требования к условиям реализации основных образовательных программ». Чьи требования? К кому? Из контекста закона видно, что это требования государства к школе, т.е. ровно противоположное тому, чего ожидало образовательное сообщество.

Правда, в процессе подготовки законопроекта ко второму чтению была принята поправка автора, конкретизирующая понятие условий реализации образовательных программ. Теперь текст закона звучит следующим образом: «требования к условиям реализации основных образовательных программ, в том числе кадровым, финансовым, материально-техническим и иным условиям». Однако ситуация от этого принципиально не изменилась.

Оставляя в стороне юридико-технический вопрос о том, чем условия реализации образовательных программ будут отличаться от лицензионных требований, по горькому опыту многих регионов России берусь предположить: как и в случае с лицензированием, появление новых требований к школе приведёт лишь к тому, что проверок станет больше, бумаг тоже, а за неисполнение этих требований директоров вновь станут «водить» по судам и накладывать на них административные взыскания. Кто скажет, что такого не

¹ Проект федерального закона № 117605-3 «Об основных положениях, о порядке разработки и утверждения государственных образовательных стандартов общего образования» внесён в Государственную Думу 20.07.2001 депутатами Государственной Думы А.В. Шишловым, О.Н. Смолиным, И.И. Мельниковым, С.В. Иваненко, С.С. Митрохиным, А.М. Шелеховым, В.Н. Ивановой, Т.В. Плетнёвой, Ф.Г. Зиятдиновой и членом Совета Федерации В.В. Сударенковым.

было и не может быть, тот не знает российских реалий, как минимум, в провинции, т.е. на большей части территории страны.

И, наконец, с принятием Закона федеральный государственный образовательный стандарт будет утверждаться правительством Российской Федерации. Собственно говоря, всего остального можно было бы и не писать. Закон получился бы короче и яснее, а авторам не пришлось бы мучительно ломать голову над тем, как отличить непонятные им самим «компетенции» от умений и личностных качеств.

Причём здесь образовательное сообщество, парламент, наконец, Общественная палата, которую создавали с такой помпой? Теперь чиновники всё решать будут сами, ни на кого не оглядываясь. В этом и состоит «эзотерическое» содержание закона, его «глубочайшая тайна».

А что же «вольнодумцы» из «правящей партии»? Они, как всегда, с удовольствием проголосовали за закон и избавились от очередной «головной боли». Вот результаты голосований по этому вопросу 14 ноября 2007 г.:

«Единая Россия»:

- за – 94,7%;
- против – 0,3%;
- не голосовало – 5%.

«Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз):

- за – 6,1%;
- против – 21,2%;
- не голосовало – 72,7%.

ЛДПР:

- не голосовало – 100%.

КПРФ:

- против – 74,5%;
- не голосовало – 25,5%.

Выступая в Госдуме 14 ноября 2007 г. при обсуждении законопроекта, автор этих строк заявил следующее: «Лет шесть назад, когда наша делегация была в <...> штате Коннектикут, наиболее продвинутом в образовательном смысле в Соединённых Штатах Америки, комиссар по образованию этого штата мне говорил буквально следующее: вам хорошо, у вас есть на уровне государства образовательные стандарты, поэтому ваше школьное образование более качественное. Сообщаю вам, коллеги, что с принятием этого закона тех стандартов, которым завидовал комиссар штата Коннектикут, у нас больше не будет».

II. Зарплата учителя... без федеральных гарантий

5 октября 2007 г. в Международный день учителя на пленарном заседании Госдумы я поздравил с этим замечательным праздником всех депутатов и всех сотрудников аппарата, кто когда-либо имел отношение к педагогическому труду. Хотя специальных расчётов не проводил, но убеждён: в Четвёртой Думе таких было немало. Одновременно обратился к коллегам с просьбой хотя бы на последней сессии, тем более – в этот день, не принимать законов, способных нанести вред отечественному образованию. Обращался не случайно, ибо в повестке дня 5 октября таких законов значилось сразу два.

Один – о принудительной бакалавризации всей страны, но о нём позже.

Другой закон был посвящён вопросу, казалось бы, не имеющему отношения к образовательной политике – разграничению полномочий между различными уровнями власти. Как часто бывает, он был внесён депутатами от «правящей партии», но в думских кулуарах именовался «шуваловским» – по имени помощника Президента, уже несколько лет реально исполняющего функции Премьера. Об этом законе и хочу рассказать.

Собственно говоря, дело не в самом законе. Дело в том, что в ходе его подготовки ко второму чтению в статью 144 Трудового кодекса была внесена поправка, которая фактически предполагает повторную ликвидацию федеральных гарантий заработной платы интеллигенции и «бюджетников» вообще, педагогических работников – в особенности.

Напомню: в 1990-х гг. и начале XXI в. в России действовала Единая тарифная сетка, которая в какой-то мере выполняла своё предназначение, а именно: обеспечивала более или менее равные условия оплаты труда работников бюджетной сферы в разных регионах. Точнее, она уменьшала неравенство в этом отношении: регионы с деньгами увеличивали ставки и оклады, как считали возможным, а дотационные регионы вправе были требовать от правительства бюджетные деньги на обеспечение зарплаты хотя бы в соответствии с тарифной сеткой.

Закон о так называемой монетизации, который в последнее время не критикует только ленивый, ликвидировал Единую тарифную сетку и заменил её сомнительным механизмом рекомендаций трёхсторонней комиссии, состоящей из представительства правительства, профсоюзов и работодателей. Понятно, что в России даже законы, если это законы социальные, исполняются плохо. О рекомендациях и говорить нечего. Тем более, что за их исполнение правительство никакой ответственности не несёт.

Результаты хорошо известны. Например, разница в финансировании образования в расчёте на одного ученика по разным регионам превысила 10 раз. Уровень зарплаты начинающего учителя в Москве, как минимум, в семь раз выше, чем в большинстве регионов России. Разумеется, это одновременно и достоинство московской образовательной политики, и порок политики федеральной.

Когда весной 2007 г. Госдума принимала закон о повышении минимальной заработной платы до 2300 руб., многим казалось, что правительство России свои ошибки осознало. По крайней мере, оно согласилось с тем, чтобы восстановить в законе следующее положение: федеральная власть устанавливает минимальные размеры ставок и окладов работников бюджетной сферы, ниже которых ни в одном регионе зарплата опускаться не может. Теперь же слово «устанавливает» заменено словами «может устанавливать». А значит, может и не устанавливать. Другими словами, правительство второй раз за три года снимает с себя всякую ответственность за зарплату педагогического работника. Не случайно профсоюзы работников бюджетной сферы рассылали депутатам Думы письма протеста. Однако в современной России такие письма, не подкреплённые массовыми акциями, практически никогда не дают результата.

На мой взгляд, «новый» закон – это лишь частный случай глубоко ошибочной (чтобы не сказать – порочной) политики федеральной власти. С одной стороны, эта власть полагает, что скрепляет политическое пространство страны путём назначения губернаторов и построения разного рода «вертикалей». С другой стороны, сбрасывая ответственность за качество жизни граждан в регионы и местному самоуправлению, она фактически разрушает единое социальное пространство России. Регионы одной страны живут так, как будто принадлежат к разным государствам и даже разным историческим эпохам: Москва – примерно, как Чехия; Санкт-Петербург – как бывшие прибалтийские республики СССР; Бурятия и Тыва – как Монголия. Вот где таится реальная угроза разрушения государства, а вовсе не в заговорах «оранжевых» или каких-нибудь ещё «цветных» политических сил. Как известно, крепить единство страны железом и кровью призывал Бисмарк. Но это было в XIX веке, а сейчас – XXI.

В заключение позволю себе цитату из собственного выступления на пленарном заседании Госдумы 5 октября 2007 г.

«Глубоко убеждён в том, что нам нужно идти не путём Бисмарка, а путём нашего знаменитого поэта Ф.И. Тютчева. Помните, он говорил:

“Единство, – возвестил оракул наших дней, –

Быть может спаяно железом лишь и

кровью...”

Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...

Скреплять страну нужно не административными вертикалями, а социальной любовью к своим гражданам. Тогда и они к стране будут относиться с уважением. Просьба не поддерживать этот законопроект. Сегодня, кстати, Международный День учителя...».

Разумеется, большинство Государственной Думы за закон проголосовало:

- «Единая Россия» – 97,5%;
- ЛДПР – 46,7%;
- «Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз) – 28%.

Против закона выступили:

- КПРФ – 100%;
- «Справедливая Россия – «Родина» (народно-патриотический союз) – 6,3%;
- ЛДПР – 3,3%.

Партийная безответственность в очередной раз оказалась выше, чем обязательства перед избирателями и даже корпоративная солидарность.

III. Болонский процесс... как «кукуруза»

17 октября 2007 г., в канун Лицейского дня, российский парламент вновь очередной раз удивил мир, но на сей раз в лице не Госдумы, а Совета Федерации. В течение едва ли не получаса «сенаторы» изменили своё мнение на противоположное по одному из важнейших законов – о введении так называемой двухуровневой системы высшего образования.

События развивались бурно. Сначала Председатель профильного Комитета В. Шудегов осторожно и с оговорками поддержал закон. Затем Председатель Палаты регионов С. Миронов высказался против – резко, но как-то неуверенно. Цитирую: «...фундаментальность нашего образования и его конкурентоспособность были доказаны десятилетиями. И, беря не самые лучшие образцы, непонятно ради чего, мы разрушаем сами основы нашего образования», «... я даже не буду призывать вас голосовать против этого закона. Просто хотел бы пояснить, чем я руководствуюсь, принципиально голосую против этого закона». Конечно, хотелось бы спросить: почему, если закон так плох, третье лицо в государстве и лидер партии не призывает против него голосовать? Однако предоставим читателю самому размышлять над этой загадкой.

В итоге при первом голосовании закон был отклонён. Однако через короткое время к нему вернулись и со второго захода приняли! Когда журналисты попросили меня дать комментарий к этому политическому «чуду», вспомнил басню С. Михалкова:

... «медведь» на кнопки надавил,
И «ёж», чтоб не лишиться места,
Хоть был колюч, но уступил!..
(*Кавычки мои – О.С.*)

Однако довольно о «чудесах». Пора о сути дела. О содержании законопроекта, до того, как он стал законом, мы уже информировали читателя². Не боясь повториться, проинформируем о том, что получилось в итоге.

Сравнив новый закон с тем, который действовал до него³, легко убедиться: и для преподавателей, и для студентов, и для образования в целом ситуация ухудшается по многим позициям.

² См. Народное образование. – 2007. – № 7. – С. 24-25.

³ Федеральный закон № 125-ФЗ от 22.08.1996 «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»

Во-первых, прежний закон давал каждому вузу право выбора между традиционной программой специалиста и программой двухступенчатой (бакалавриат + магистратура). Новый же закон предлагает сделать бакалавриат подавляющее большинство студентов, а программу специалиста оставить только для узкого круга избранных, который определит правительство. Понятно, что многие сотни тысяч студентов лишатся качественного образования.

Во-вторых, прежний закон позволял студенту выбирать различные траектории обучения, в т.ч. после бакалавриата стать специалистом или аспирантом, а после «специалитета» – магистром. Новый закон такую возможность исключает: после бакалавриата – только в магистратуру, а если хочешь стать специалистом, начинай сначала. Ещё более странно, что специалиста в магистры тоже пускать не собираются.

Причём все эти нелепости касаются не только государственных, но и негосударственных вузов.

В-третьих, прежний закон не ограничивал возможности студента получить качественное образование: завершил одну ступень – свободно переходил на вторую. Новый же закон требует при переходе из бакалавриата в магистратуру устроить конкурсный отбор. При этом оптимисты из числа правительственных чиновников обещают, что в магистры смогут попасть 40-50% бакалавров, ректор МГУ В. Садовничий прогнозирует, что не более 1/3, а пессимисты называют лишь 10-15%. Остальным придётся платить.

В-четвёртых, в своё время министр А. Фурсенко «озвучивал» предложения, согласно которым бюджетное финансирование магистратуры следует сохранить только в национальных университетах и вузах федерального значения (в общей сложности не более 200). В остальных же вузах – перевести магистратуру на платную основу. Понятно, что в этом случае преимущество получают студенты Москвы и Петербурга, а остальные окажутся ещё раз «поражены в правах».

Новый закон был бы ещё много хуже, если бы в Думе не удалось отчасти исправить два его порока:

1) вернуть четырёхлетний срок обучения бакалавра. Правительство предлагало сократить его до трёх лет, что окончательно превратило бы высшее образование в среднее (например, врача – в фельдшера);

2) защитить право на отсрочку от призыва на военную службу для магистрантов, однако лишь в том случае, если в магистратуру они успеют поступить в течение года после окончания бакалавриата. Правительственный законопроект такое право пытался ликвидировать полностью.

Однако в целом принудительная бакалавризация нанесёт вред и стране, и студентам. В России бакалавры испытывают большие проблемы с трудоустройством, а, по мнению ректора МГУ В. Садовничего, за рубежом они в лучшем случае смогут получить места лаборантов.

Несмотря на все перечисленные пороки закона, в Госдуме против него проголосовали лишь:

- КПРФ – 98%;
- «Справедливая Россия» – «Родина» – 84,5%.

Напротив, поддержали его:

- «Единая Россия» – 98%;
- ЛДПР – 97%.

В свою очередь, Президент России закон подписал в рекордно короткие сроки.

Два с половиной года назад в Государственной Думе я публично заявил министру образования и науки приблизительно следующее.

Похоже, пришло время перефразировать известное изречение классика о том, что коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны. Теперь оно должно звучать так: «дикий» капитализм в России – это антисоветская власть плюс принудительная бакалавризация всей страны.

От этих слов не отрекаюсь и сейчас. В результате принятия нового закона большинство студентов будут учиться на год меньше и не получат специальных знаний. Доводить до кондиции новых «волшебников-недоучек» придётся уже потом. Дай Бог, чтобы, как в известной песне, коза вместо грозы получалась только у рекламщика или офис-менеджера. А если у авиаинженера или хирурга?..

IV. Выборы и интеллигенция: что дальше?

Как известно, войти в историю легко, но выйти из неё невозможно. И, если Четвёртая Дума прославится как самая антиобразовательная, то судьба Госдумы пятого созыва решалась и решилась на парламентских выборах 2 декабря 2007 г. Так что особенности этих выборов и связанная с ними позиция интеллигенции прямо скажутся на будущем отечественной образовательной политики. А потому, заканчивая рассказ об уходящем парламенте, позволим себе несколько слов о тех условиях, в которых родился новый.

«Россия – наша Родина, дом, в котором мы живем! Главным в нашем доме является Президент Владимир Владимирович Путин, который делает все, чтобы мы жили счастливо, весело и дружно. А помогает ему в этом партия «Единая Россия». Партия – это команда людей, которая работает во благо нашего города, республики и целой страны. Они трудятся для всех нас: заботятся о бабушках и дедушках, делают природу родного края чище, строят для нас детские площадки, современные школы, новые дома, дороги и хотят, чтобы наша страна Россия была сильной и богатой.

Единая Россия – наше светлое будущее, в котором исполнятся все наши желания и мечты! Именно поэтому мы любим «Единую Россию» и будем делать все, чтобы она стала партией нашей Родины».

Читатель! Угадайте «с трёх раз», что это за текст? Не угадали? Значит, отстали от жизни. А она идёт «вперёд», что называется семимильными шагами.

Просвещайтесь: это отрывок из изложения, которое было предложено детям во 2-4-м классах школы № 4 г. Азнакаево. При этом кандидат в депутаты от КПРФ, приславший в мою приёмную этот текст, утверждает: такие же изложения были проведены не только во всех школах этого города, но и во всём Татарстане.

Кому этого недостаточно, пусть найдёт в Интернете открытое письмо студентов Коломенского государственного педагогического института. Молодые люди жаловались, что их принудительно привлекают к политическим акциям движения «Местные» в поддержку «Единой России» и Президента Путина. Подписей нет, но интервью студентов, которые просили не называть их фамилий, в электронных СМИ уже прошли.

Если же, читатель, Вам и этого мало или Вы думаете, что такого рода «чудеса» – лишь местные «перегибы», своего рода «головокружение от успехов», то вот Вам пример федеральный. Цитирую книгу для учителя «Обществознание» под редакцией Л.В. Полякова (с. 344): «Следовательно, режим суверенной демократии – идеальная форма действия всякой политической системы»(!).

Казалось бы, даже у Владислава Суркова – изобретателя термина «суверенная демократия», человека умного и, по слухам, эстета – подобные перлы должны были вызывать изжогу. Ан нет: весной текущего года на известной конференции шедевр Л. Полякова и аналогичное ему творение А. Филипова пропагандировались как последнее слово науки.

Не буду говорить о том, что должно быть известно каждому, кто, получая высшее образование, не утратил среднего, а именно: идеальных форм политического устройства просто не существует. У Черчилль был на два порядка выше Л. Полякова, утверждая, что демократия – это плохая форма управления, но ничего лучшего человечество не выдумало.

Не стану развивать и другую очевидную мысль: в современных российских условиях «суверенная демократия» – это «демократия», суверенная (т.е. независимая)... от свободы! Чем больше у нас «демократии» и чем она «сувереннее», тем свободы меньше. Даже в сравнительно либеральной Москве знаю немало примеров того, как директора школ и главврачи больниц (вряд ли по собственной инициативе) требовали, чтобы педагоги и врачи брали открепительные талоны и голосовали на участках по месту работы – под надзором своих начальников. Не удивлюсь, если главным принципом «суверенной демократии» вскоре будет провозглашён оруэлловский лозунг: «Свобода – это рабство».

И всё же я о другом. В конце концов, власть ведёт себя так, как мы ей позволяем. Много больше власти меня интересует общество. И особенно мы – интеллигенция. Наблюдая пароксизмы почти любовного экстаза по отношению к высоким начальникам со стороны «мастеров культуры», спорта, фермы, не говоря уже о чиновниках, невольно вспоминаешь «Былое и думы» Герцена. Вот как описывает он российское общество после поражения декабристов: «Тон общества менялся наглазно; быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства. <...> Напротив, являлись дикие фанатики рабства, одни из подлости, а другие хуже – бескорыстно».

Между прочим, согласно классику политической науки Ханне Арендт, тоталитаризм – это не просто репрессии. Тоталитаризм наступает тогда, когда народ, устав от свободы, добровольно и «с чувством глубокого удовлетворения» отказывается от неё в пользу власти. Вам это ничего не напоминает, читатель?

Блестящий литературовед и настоящая – с советских времён – христианка из Омска Маргарита Яковлева сказала мне однажды: интеллигенция начинается там, где образованные люди начинают думать о народе. Именно о народе, а не о том, как угодить начальству. Не случайно в некоторых зарубежных словарях рядом со словом «интеллигенция» значилась пометка «русское». На Западе, как известно, предпочитают термины «интеллектуалы» или «специалисты». Великое явление культуры, именуемое словом «интеллигенция», пережило царей и генеральных секретарей. Неужели умрёт при президентах?

Но если о народе многие думать разучились, быть может, ещё способны думать о самих себе? Напомню: репрессии 1930-40-х гг. – никак не дело рук одного Сталина. Немалое число «интеллигентов», желая избавиться от представителей иных школ в науке, образовании или искусстве, переводили «дискуссию» в политическую плоскость. А для выяснения «истины» использовали карательные органы. Скажете: невозможно? – Пока нет. А в будущем, смотря что позволим власти.

И, наконец, допускаю, хотя и с трудом: как есть люди, которые «бескорыстно» любят деньги, так случаются и интеллигенты, которые бескорыстно любят власть и её носителей. Позволю себе напомнить и им:

- согласно классической формуле предшественников либерализма, власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно;
- в международных рейтингах по экономической свободе Россия занимает 120-е место в мире, а по свободе информации за последние 5 лет ни разу не поднялась выше 121-го места;
- напротив, в международных рейтингах коррупции Россия за последние годы сместилась с 90-го места на 143-е, начиная от наименее коррумпированных стран;
- ещё после выборов 2003 г. лучшие представители власти высказывали тревогу по поводу складывающейся однопартийной системы. Так, Ю. Лужков заявил тогда, что толстая птица с одним крылом летать не может. А без крыльев вообще?

Короче, у той части интеллигенции, которая бескорыстно любит власть и хочет ей помочь, есть только два пути, параллельно ведущие к одной цели.

Во-первых, надо вспомнить, что интеллигенция – это по определению оппозиция. Её задача – не восхвалять, но конструктивно критиковать, предлагать альтернативные модели и тем самым уменьшать число ошибок правящей элиты.

Во-вторых, сильную политическую оппозицию необходимо создать и в парламенте. В противном случае загнивание, коррупция и в конечном итоге крах режима неизбежны.

Жаль, что новые буквари начинаются не так, как первые советские: мы – не рабы, рабы – не мы!

Смолин О.Н., депутат Государственной Думы, член-корреспондент Российской академии образования, председатель общественного движения «Образование – для всех»